

Из детских воспоминаний

Двор

Наталья
Александровна
Садыкова
дочкой с Таней

В Душанбе к июню наступала жара. Дожди прекращались, и вся зелень покрывалась пылью, ее сильный запах навсегда связался с детством.

Я стою на скамейке под тутовником, он растет напротив наших окон. Ягоды покрыты пылью, мы ищем спелые – белые прозрачные и едим, вместе с пылью. Моя бабушка мне этого не позволяет делать, но я не могу удержаться и второпях ем еще и зеленые.

Недалеко от этого дерева справа стоит глиняная кибитка Иды Абрамовны. Она торгует лавровым листом и чесноком, поэтому около ее домика всегда висит облако их запахов.

Помню, Ида Абрамовна варит вишневое варенье на примусе рядом со своим домом. Это дивный аромат, от которого текут слюнки и поднимается настроение. Мы играем в штандер, и мяч попадает прямо в таз, в котором тихо булькает варенье. Мяч срочно вытащили – облизали-помыли, игра продолжается, как будто ничего и не случилось, варенье мирно доваривается. Ида Абрамовна была в доме и ничего не видела.

В одну линию вровень с домом Иды Абрамовны стоят сараи жителей нашего подъезда, а за ними располагаются бараки. Все эти сараи и кибитка, утопающая в аромате чеснока и лаврового листа, принадлежат нашему благополучному двору. Бараки – иной мир, это такие же кибитки, как и домик Иды, их много, но туда нам строго-настроено запрещено ходить. Я за 15 лет никогда туда и не заходила – боялась. Жизнь обитателей бараков была простой, как правда – там пили, пели, играли на баяне, ругались, женились, резали друг друга – жили, наверное, как большинство людей тех лет. Самой известной представительницей бараков была Варя глухая. Я ее тоже боялась, потому что она была «проституткой» – что это такое я не понимала, но иногда видела ее сильно навеселе. Помню ее диалог с нашей соседкой Саламатшаевой, бабушкой татаркой (тоже глухой)

– Варя, куда это ты нарядилась?

Варя трогает свои сережки и отвечает:

– Да они не золотые...

Из того мира барачников помню сестер: Верку и Галку. Маленькую Галю пригрела семья Фазыловых со второго этажа. Она купается в одной ванной с их девочками и там же часто ест. Муллоджан Фазылов – инвалид, ходит на костылях, ногу потерял во время войны. Где-то в России во время лечения познакомился с тетей Зелей, она с родителями была выслана в заброшенный северный поселок на реке Печере. После женитьбы они все переехали в Душанбе. Фазылов – умница, крупный ученый, очень сдержанный и воспитанный человек. У них три девочки, со старшей Саидой я дружу. Бабушка Саиды Ида Соломоновна всегда старается меня угостить какими-нибудь сладостями, которые она бережет в гардеробе среди нафталина. Я знаю, что она меня очень любит, но проглотить нафталиновую конфету не могу, и потому говорю с ней, держа "сладость" за щекой. Главное – не показать, что это есть невозможно. Бабушка наклоняется ко мне и спрашивает: "Правда вкусно, Танечка?"

Когда я выходила замуж за Сергея, который на всех произвел сильное впечатление, Ида Соломоновна с некоторой обидой сказала: "Ну, знаете, у нашей Танечки тоже голова – Дом Советов!.."

Недавно пришло письмо от Гали – девочки из детства. Она пишет, что на всю жизнь благодарна за все тете Зеле и моей маме, которая помогла ей на сочинении во время вступительных экзаменов в университет. Галя кончила вуз, у нее хорошая семья – муж, дети, работа: "Мне ничего не надо, я просто пишу вам, чтобы сказать, что я все помню".

А мама уже умерла и не знала, что кому-то так помогла в жизни. Этот поступок мамы стоил дорогого. Она была очень принципиальной и неподкупной. Особенно это ощущалось во время вступительных экзаменов в университет. Наш дом становился неприступной крепостью – на телефонные звонки отвечали только «по шифру», и папа даже иногда говорил, что уже много лет, как он «развелся с этой Натальей Александровной». И так из года в год.

В дальнем крыле нашего дома жила другая моя подружка – Лиля Колонтарова. Она и Таня Бончковская, тоже из нашего дома, всегда приходили ко мне на день рождения. Я ужасно любила приходить к ним в гости на их дни рождения. У Бончковых всегда устраивали что-то специальное для детей.

Однажды я пришла домой из школы и слышу ужасные непонятные звуки – жалобное скрипение самой примитивной скрипки (кажется четвертинки) и пугающий шум бурного фортепиано – все мимо нот и мимо музыки. Нахожу в

комнате своего серьезного папу за пианино и Митю Бончковского, который честно «пилит» свою школьную музыкальную программу. Папа мой играть ни на чем не умел, но тут «не смог отказать Мите в просьбе саккомпанировать» ему. Так они «музицировали» для себя на полном серьезе. Ну, ладно Митя – чистый честный мальчик, а папа-то каков! Ни тени смущения и ни тени улыбки. Все смеялись потом, но как!

Через 15 лет после моего рождения родители построили "особняк", и мы уехали из нашего первого дома. К счастью, рядом с нами поселилась и Лиля Колонтарова, и мы с ней продолжали общаться. Лиля была умной, доброй, симпатичной и медлительной толстушей. Иногда, правда, мы с братом, грешники, ее избегали. Она ходила медленно, и с ней можно было опоздать в школу, особенно, когда мы уже преодолевали нашу Красную площадь – большое поле, на котором проходили парады, и которое превращалось в необъятное пространство густой грязи после первых осенних дождей. Лиля нас звала на входе, – Таааааня, Таааааня! – а мы уже очищали грязь на выходе. «Не откликайся», – просил меня мой брат, – а то мы опоздаем!» Однажды Лиля потеряла ботинок во время похода через Красную площадь, но мы это обнаружили, только когда уже переход был окончен.

Теперь Лиля живет в Нью Йорке, и мы с ней периодически общаемся. Детская любовь не стареет!

Читать дальше

[Поездки](#) – [Бабушка](#) – [Школа](#) – [Взрослые друзья](#)

[Сергей Никитин о себе](#)